

В ОБЪЯТИЯХ СНА

Ева Стелла

Ева Стелла

В объятиях сна

<https://litres.ru/74444247>

Аннотация

Она входит в его сны каждую ночь. Он не знает, что она реальна. Однажды он встречается её наяву... и требует ответов.

"В объятиях сна" - история о любви, которая не знает границ между мирами. И о том, как сны могут изменить реальность. Навсегда.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2	9
Глава 3.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Глава 1.

Я - Лира, хранительница снов, и мой дар похож на проклятие.

Каждую ночь, когда я закрываю глаза, происходит одно и то же.

Сначала - провал. Знаете это чувство, когда вы слишком резко ныряете в ледяную воду? Все ваше тело сжимается, легкие отказываются дышать, а в ушах звенит так, будто туда засунули раковину, в которой бушует шторм. Вот это - в точности мое ощущение. Только вместо воды - бархатная, липкая тьма. И вместо спасительной поверхности, к которой можно вынырнуть, чтобы сделать глоток воздуха, - бездна. Чужие сны, которые распахиваются подо мной, как бездонные колодцы, и я падаю в них, не в силах зацепиться за край, не в силах остановить падение.

Я - Хранительница сновидений в теории. На практике же я - жертва собственного дара, которую каждую ночь выбрасывает в голову одного единственного человека. Без предупреждения, права выбора и шанса сказать: "Нет, спасибо, сегодня я лучше полистаю чьи-нибудь сны про летающих единорогов и шоколадные реки".

Мой клиент - генерал Эдмон Вэллс.

О нем я почти ничего не знаю. Только то, что он команду-

ет гарнизоном в замке, построенном на скале, которая вечно обдувается ветрами, несущими соленую влагу с северного моря. Что он холоден как лед и суров как голодная зима. Что он смотрит сквозь людей, словно они мебель. Говорят, его подчиненные боятся его больше, чем вражеской армии. И это еще мягко сказано.

А ночью...

Ночью он лежит на спине, раскинувшись на бесконечной черной глади, которая колыхается под ним, как живое существо. Небо над ним не похоже ни на одно небо, которое я видела в реальности. Звезды там не мерцают - они дышат, пульсируют, меняют цвет, двигаются по своим собственным, неведомым законам. Иногда они падают, и я знаю: это не метеоры. Это его мысли, страхи, желания.

А сам он... он смотрит на меня.

И в этом взгляде - вся тоска мира.

Я не должна была этого чувствовать. Хранителей учат отстраненности с первого дня. "Ты - врач, а не друг, - говорил мне мастер Корвин, поглаживая свою жидкую бородку. - Ты входишь в сон, чтобы лечить его, а не чтобы раствориться в нем. Ты должна оставаться прозрачной. Чужая боль - не твоя боль. Чужая радость - не твоя радость. Ты - стекло, сквозь которое свет проходит, не задерживаясь."

Мастер Корвин, должно быть, перепутал меня с витражом. Потому что я не стекло. Я - губка. Я впитываю каждую эмоцию, каждую дрожь, каждое прикосновение, и они оста-

ются со мной, прорастают внутри меня, как сорняки в хорошо удобренной почве.

Особенно когда речь идет о нем.

Особенно когда он тянется ко мне во сне, и его пальцы, такие грубые, с мозолями от меча, касаются моей щеки так нежно, будто я сделана из снега, который может растаять от одного неловкого движения.

Особенно когда он шепчет: "Ты снова здесь. Я знал, что ты придешь."

Он думает, что я - плод его воображения. Сладкий сон, который помогает ему забыть о том, каков он наяву. Он не знает, что я существую. Не знает, что в реальном мире я та самая бледная девица, которая проходит по коридорам замка с бумагами и графинами, которую он даже не замечает.

Ну, не замечал. До сегодняшнего дня.

Я вздохнула и откинулась на подушку. Ночное небо за окном моей комнаты было таким же унылым, как и всегда: серое, затянутое тучами, без единой звезды. Только ветер выл в щелях, да где-то внизу, на кухне, гремели кастрюлями. Кто-то из служанок, видимо, решил, что ночь - лучшее время для генеральной уборки.

Запах в комнате стоял смешанный: пыльный, сладковатый аромат старых книг, которые я притащила из библиотеки, и терпкий запах воска от свечи, догоравшей на подоконнике. В углу висела моя шаль - та самая, которую он поднял сегодня днем, и я знала, что не прикоснусь к ней, потому что на ней

остался его запах, который сводил меня с ума.

Нет, не сводил. Я - хранительница и должна сохранять ясность ума. Должна быть хладнокровной, рассудительной. Должна...

Ох, да кому я вру.

Я встала с кровати, подошла к шали и прижала ее к лицу. Глубокий вдох. Мыло. Дерево. Металл. И что-то еще - тепло, живое, мужское. Мои пальцы задрожали.

- Это ненормально, - прошептала я в пустоту. - Ты - хранительница. У тебя есть долг. Ты не имеешь права...

И тут я вспомнила, как он смотрел на меня сегодня. В кабинете. У камина.

Я видела его днем сотни раз. Он проходил мимо меня не обращая внимания. Иногда я ловила его взгляд - беглый, скольльзящий, как по мебели. И вдруг сегодня он смотрел на меня так, будто я была единственным человеком в комнате. Или, точнее, единственным человеком во всей вселенной.

Он сказал: "Я видел тебя. Не здесь. Ты приходишь ко мне." Он сказал это с такой надрывной, такой отчаянной нотой, что у меня сердце пропустило удар. Он сказал: "Почему? Ты знаешь, кто я? Ты знаешь, что делаешь со мной?"

И у меня не было ответа. Потому что я действительно не знала. Почему именно он? Почему именно его сны преследуют меня каждую ночь? Почему из всех людей в мире мой сломанный дар привязал меня именно к нему - к самому холодному, самому суровому, самому недостижаемому челове-

ку во всем замке?

- Это нечестно, - сказала я шали. Шаль промолчала. Она вообще была не особо разговорчивой.

Свеча моргнула и погасла, оставив меня в темноте. Ветер за окном набрал силу, завывая так, что задрожали стекла. Где-то в коридоре хлопнула дверь, и я услышала шаги - тяжелые, уверенные. Чьи-то сапоги стучали по каменному полу ритмично, как метроном. Это был не он - шаги генерала я узнала бы из тысячи. Эти были чужие, но быстрые и деловитые.

Я прислушалась. Шаги стихли у двери моей комнаты, и на мгновение мне показалось, что сейчас раздастся стук. Но нет. Тишина. Только тяжелое дыхание или мне это просто показалось?

Я затаила дыхание. Прошла минута. Две. Ничего.

Вздохнув, я подошла к двери и приоткрыла ее. Коридор был пуст. Только в конце, у лестницы, мелькнула тень - высокая, худая. Я не успела разглядеть лица.

- Отлично, - пробормотала я. - Теперь у меня еще и паранойя. И это при том, что я в этом замке живу уже три месяца и привыкла к его обитателям.

Я закрыла дверь и вернулась к кровати. Спать? Нет, спать не хотелось. Хотелось бежать в библиотеку, где он назначил встречу. Или бежать из замка, подальше от него и от всего этого сумасшествия.

Я выбрала первое.

Глава 2

Время до заката тянулось невыносимо медленно. Как будто кто-то заморозил часы, а стрелки с трудом, по миллиметру, пробивались сквозь лед.

Я кружила по замку, делая вид, что выполняю свои обязанности. В мои обязанности входило то, чего не делал никто: записывать сны в специальный журнал - обычную тетрадь с пожелтевшими страницами, куда я вносила свои наблюдения. Теоретически я должна была наблюдать за снами нескольких человек. На практике - только за одним. Его.

Я присела в маленькой нише у окна на втором этаже, где было относительно тепло и тихо, и раскрыла журнал. Страницы пахли сухим деревом и чернилами, а на некоторых сохранились следы моих прежних записей - аккуратные, ровные строчки, которые теперь казались мне чужими.

"Ночь 27-я. Сон генерала. Снова звездное небо, но на этот раз звезды падают чаще. Он говорил о смерти. Говорил, что боится умереть во сне, не успев сказать то, что должен сказать. Не уточнил, что именно. Держал меня за руку, когда мы лежали рядом. Пульс ровный, дыхание глубокое. Наблюдение."

Сухо. Безжизненно. Как будто я описывала эксперимент, а не человека.

А ниже, небрежным почерком, приписка, которую я сде-

лала уже тогда, когда все правила вылетели из головы:

"Его пальцы теплые. Он гладил мои волосы. Сказал, что я пахну дождем. Это неправда - я пахну воском и книгами. Но я не стала его переубеждать."

Я захлопнула журнал. Глупо. Это просто глупо.

За окном по-прежнему было серо, но уже не так безнадежно. Небо начало приобретать теплый, медовый оттенок, и облака, наконец, разорвались, пропуская первые оранжевые лучи. Закат. Он приближался.

Я поднялась на ноги и пошла к лестнице, ведущей вниз, в библиотеку. Сердце стучало так, что я слышала его даже сквозь гул ветра и собственные шаги. Каждый удар отдавался в висках, в груди, в кончиках пальцев.

- Ты сможешь, - прошептала я себе под нос. - Ты хранительница. Ты справлялась с кошмарами, с астральными бурями, с призраками забытых снов. Ты справишься с одним разговором. Даже если это разговор с ним. Даже если он смотрит на тебя так, что внутри все переворачивается.

Я спускалась по винтовой лестнице, и каждый шаг отдавался эхом. Стены здесь были такими старыми, что казалось, они впитали в себя все голоса и звуки, когда-либо звучавшие в замке. Местами штукатурка осыпалась, обнажая грубый камень, и я провела пальцем по одной такой трещине, чувствуя прохладу и текстуру.

В библиотеке было темно. Только несколько свечей горели на столе у дальнего окна, отбрасывая дрожащие тени на

высокие стеллажи, уходящие вверх, в полумрак. Книг здесь было тысячи, может, десятки тысяч - они стояли плотными рядами, пахли старым пергаментом, кожей и пылью. Пол под ногами был каменным, но местами застелен вытертыми коврами, на которых я чуть не споткнулась.

Я подошла к столу. Он стоял у окна и смотрел на закат, и в закатном свете его профиль казался вырезанным из бронзы. Твердый, неподвижный, прекрасный.

- Генерал, - сказала я, и мой голос прозвучал тише, чем я хотела.

Он повернулся. Медленно, как будто каждое движение требовало от него огромных усилий. В его руке была книга - старая, в кожаном переплете с вытисненными золотыми буквами, которую он держал с таким выражением, будто она могла дать ответы на все вопросы.

- Леди Лира, - сказал он, и его голос был ровным, но в нем слышалась та же напряженная нота, что и днем. - Вы пришли. Я боялся, что вы не придете.

Я села на стул напротив него. Он стоял, и я чувствовала себя маленькой и уязвимой, как в первый день в Гильдии, когда меня заставили входить в сон старого мастера, которому снился бесконечный коридор с закрытыми дверями.

- Я пришла, - ответила я. - Потому что у меня тоже есть вопросы. Много вопросов.

Он усмехнулся - той же кривой, горькой усмешкой, что днем, когда мы стояли у камина.

- Вы начинаете первой. Я вижу, вы хотите что-то спросить. Что же, леди Лира? Спрашивайте.

Я сделала глубокий вдох. Пора. Не отступать. Только вперед.

- Вы сказали, что видели меня в своих снах. - Я старалась говорить ровно, хотя внутри все дрожало. - Что именно вы видели? И как вы поняли, что это была я, а не просто... плод вашего воображения?

Он положил книгу на стол. Медленно, аккуратно, но я заметила, как дрогнули его пальцы.

- Плод воображения не знает вещей, которые должен знать, - ответил он, и его глаза потемнели. - Плод воображения не говорит мне, что я боюсь, что в детстве мать оставляла меня одного в комнате и я плакал, пока не засыпал. Плод воображения не знает, что я ненавижу запах жженого мяса, потому что он напоминает мне о первом поле боя. Плод воображения не помнит слов, которые я сказал на похоронах своего отца, потому что я никогда никому их не говорил, даже сам себе.

Я замерла. У меня перехватило дыхание.

- Я... я не говорила вам этого. В реальности. Я никогда...

- Я знаю, - перебил он, и в его голосе прорезалась такая же тоска, как во сне. - Вы не говорили мне этого. Вы говорили это моему сну. Или, может быть, я говорил это вам. Но вы знаете. Вы знаете то, что знаю только я. И это пугает меня больше, чем вражеская армия.

Он шагнул ко мне, и я инстинктивно отодвинулась на стуле. Он заметил это и остановился.

- Не бойтесь, - сказал он тихо. - Я не причиню вам вреда. Я просто хочу понять. Кто вы? Что вы делаете в моих снах? И... главное... почему я хочу, чтобы вы оставались там?

Вопрос повис в воздухе, как тяжелый, гулкий колокол.

Я должна была ответить. Я должна была сказать ему правду.

- Я - Хранительница сновидений, - сказала я, и каждое слово давалось мне с трудом. - Я вхожу в сны людей. Помогаю им - лечу кошмары, облегчаю боль, пытаюсь привести их в равновесие. Но мой дар... он сломан. Я не могу выбирать, в чьи сны попадаю. Я не могу контролировать это. И уже много месяцев я попадаю только в ваши сны. Каждую ночь.

Он смотрел на меня так, будто я говорила на языке, которого он не понимал. В его глазах смешались удивление, недоверие и... надежда? Да, надежда. Свет в конце темного коридора.

- Значит, вы не плод моего воображения, - сказал он медленно, как будто пробовал слова на вкус. - Вы настоящая. Вы существуете. Вы - та самая, что приходит ко мне каждую ночь.

- Да, - прошептала я. - Это я.

- И вы прикасались ко мне. Вы гладили мои волосы. Вы шептали мои имя. - Он сделал еще один шаг, и теперь расстояние между нами было таким, что я чувствовала его ды-

хание. - Это были не сны? Это было наяву?

- Это были ваши сны, - ответила я, и голос мой дрогнул. - Но я была там. Я была реальна. И все, что мы делали... это была правда.

Он замолчал. Долго смотрел на меня, и в этом взгляде было столько боли и нежности, что у меня перехватило дыхание.

- Тогда, - сказал он наконец, и голос его стал глубже, почти хриплым, - тогда скажите мне, что это было. Скажите, что я не сошел с ума, что я не придумываю все это. Скажите мне, что вы чувствовали, когда я касался вас.

Он взял меня за руку. Его пальцы сомкнулись вокруг моей ладони, и от этого прикосновения по моему телу пробежала электрическая дрожь. Тепло разлилось от его руки к моей, до самого сердца, и я почувствовала, как краска заливает мне щеки.

- Я... - начала я, но слова застряли у меня в горле. Потому что все, что я чувствовала в его снах, все, что я скрывала от себя днем, теперь стояло передо мной - живое, пульсирующее, требующее выхода.

- Я чувствовала тепло, - сказала я наконец, и голос мой сорвался на шепот. - Я чувствовала, что вы держите меня так, будто я - единственное, что имеет значение. Я чувствовала, что в ваших снах вы - настоящий. Что маска спадает. Что вы позволяете себе быть тем, кем не можете быть днем. И это... это было самое прекрасное, что я когда-либо видела.

Он не отрываясь смотрел на меня, и его пальцы сжали мою руку чуть сильнее.

- А сейчас? - спросил он. - Что вы чувствуете сейчас, когда я держу вас за руку здесь, в реальности?

Я посмотрела на наши руки - на его большие, грубые пальцы, сжимающие мою ладонь, на мою бледную кожу под ними. Я чувствовала его пульс - быстрый, неровный, такой же, как у меня.

- Сейчас я боюсь, - ответила я честно. - Потому что я не знаю, что будет дальше. Потому что сны и реальность не должны смешиваться. Это опасно. Это может разрушить все.

Он усмехнулся, но на этот раз в усмешке не было горечи. Только свет.

- Разрушить все? - переспросил он. - А что у нас есть, что-бы разрушать? У меня есть замок, который я ненавижу, армия, которая боится меня, и жизнь, в которой нет ничего, кроме долга. У вас есть сломанный дар и ночи, которые вы проводите со мной. Разве это так ужасно - разрушить это?

В его словах была такая простота и такая боль, что у меня защипало глаза.

- Нет, - сказала я тихо. - Не ужасно. Просто страшно.

Он поднял мою руку и поцеловал ее - прямо там, в библиотеке, при свете свечей и заката. Его губы были теплыми, сухими, и от этого поцелуя у меня перехватило дыхание.

- Не бойтесь, - сказал он, глядя на меня. - Мы справимся. Вместе.

Я не знала, верить ли ему. Но в его глазах не было лжи. Только честность. Беззащитная, обнаженная честность, которую я видела только в его снах.

- Я тоже хочу знать, - сказала я, и голос мой стал тверже.
- Почему я? Почему из всех людей мой дар привязал меня именно к вам? Это не случайность. Я чувствую это.

Он пожал плечами.

- Возможно, потому что мы - две половинки одного целого, - сказал он с иронией, которую я с трудом различила за серьезностью. - Или потому, что кто-то наверху решил пошутить. Я не знаю. Но я хочу выяснить. Вместе с вами.

Я кивнула. Вместе. Это слово звучало сейчас как заклинание.

- Хорошо, - сказала я. - Вместе.

Он улыбнулся - впервые, наверное, за все время, что я его знала. Улыбка была сдержанной, но теплой. И от этой улыбки у меня внутри все перевернулось.

Мы стояли в библиотеке, держа друг друга за руки, и за окном медленно гас закат, погружая замок в фиолетовые сумерки.

Глава 3.

Кажется, мы стояли так вечность. Или всего несколько секунд. Время в при

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.